

9(c)
M 146

ПОѢЗДКА

ВЪ

ОБОНЕЖЬЕ И КОРЕЛУ.

В. Майнова.

1194/13 кр

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „ЗНАНІЕ“ ЗНАЧИТЕЛЬНО
ДОПОЛНЕННОЕ АВТОРОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. В. Демакова. Новый пер., № 7.

1877.

Национальная
библиотека
Республики Карелия

ПОѢЗДКА ВЪ ОБОНЕЖЬЕ И КОРЕЛУ.

Да не возмущается духъ того, кто прочтетъ заглавіе этого очерка—все это вовсе не такъ далеко отъ Петербурга, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а если взять еще въ соображеніе то обстоятельство, что «ѣзда на своихъ въ Мордасы» уже отживаетъ свой вѣкъ на Руси и тамъ, гдѣ тащились помѣщичьи рыдваны со скарбомъ и 12 дочерьми, тамъ существуютъ уже вагоны и пароходы,—то та невѣдомая страна, которую удалась мнѣ посѣтить, и вовсе приблизится всего на 2 — 3 дня пути отъ Петербурга. Страна—то, положимъ, дѣйствительно невѣдомая и притомъ на столько, что даже, когда обзовутъ ее офиціальнымъ ея именемъ, такъ и то воображенію представится лишь тундра, да какіе то заводы, которые очень цѣнилъ такой плохой оцѣнщикъ, каковъ былъ Петръ. Обонежье, Корела—все это ничто иное, какъ сѣверный и сѣверо-восточный край Олонецкой губерніи. «Безпредѣльные лѣса и болота оной», «негостепріимная сѣверная природа сего края»,—вспоминаются всякому слова Ободовскихъ и иныхъ, которые хотятъ описывать мѣстность, сидя въ своемъ кабинетѣ; а тутъ еще лоботрясная литература пускаетъ въ ходъ шу-

точки, въ родѣ желѣзной дороги черезъ болотину, имѣющую везти оттуда одну палтусину, а туда лишь «вьюношей съ весьма любопытными провожатыми». Всѣ глумятся или пишутъ фразы и бредни, никто ничего не знаетъ, а потому и понятно, что собравъ, въ одно цѣлое все, что я видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ въ этомъ самомъ Богомъ покинутомъ краѣ, я главною цѣлью имѣлъ хотя отчасти познакомить желающихъ съ невѣдомыми странами, находящимися въ 2—3 суткахъ пути отъ Петербурга, съ тѣмъ, какъ живутъ тамъ люди и какъ они могли бы жить, если бы Петры родились на Руси почаще, да, вмѣсто русской инертности славилась русская энергія, предприимчивость и разумность. Незнаніе этого края до того сильно, что даже и этотъ бѣглый очеркъ можетъ принести нѣкоторую пользу. Даже и названіе то наше извѣстно лишь въ администраціи, народъ же игнорируетъ это ни на чемъ подходящемъ не основанное прозвище и называетъ край посвоему. Фактъ этотъ можно прослѣдить вездѣ по Россіи — это мѣропріятія и жизнь, которыя сойтись могутъ лишь при полномъ обусловленіи первыхъ послѣднею. Спросите крестьянина восточной части Бирюченскаго уѣзда: какого онъ уѣзда? «изъ Шереметивщины», отвѣтитъ онъ, а о Бирюченскомъ уѣздѣ онъ развѣ только слыхивалъ, но представить себѣ этой фикціи не можетъ; всѣ эти: Порѣчья, Полѣсья, Залѣси — все это продукты жизни народной, дѣйствительности, а Охтенскіе участки, юговосточные углы Могилевской губерніи — это административныя фикціи, которыхъ народъ не знаетъ, которыя навязаны ему изъ кабинетовъ нашихъ администраторовъ. Также точно и весь сѣверный и сѣверо-восточный уголъ Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи слыветъ въ народѣ за Корелу и Обонежье, на что конечно народъ имѣетъ основанія вѣскія, тогда какъ назы-

вать этотъ край по его административному центру по крайней мѣрѣ странно, такъ какъ пресловутый центръ этотъ насчитываетъ 40—50 домовъ, 2 церкви, да душъ 600 жителей.

Говорятъ, одно весьма высокопоставленное лицо на предложеніе побывать въ Петрозаводскѣ ужаснулось при одной мысли о поѣздкѣ въ эту болотную трущобу, куда даже, по его мнѣнію, и пробраться то невозможно и крайне удивилось, когда ему разъяснили, что можно сѣсть на пароходъ у Литейнаго моста и чрезъ двое сутокъ быть у Петрозаводской пристани. Подобное мнѣніе о путешествіи въ Олонецкую губернію довольно распространено и поистинѣ мало кто знаетъ, что путешествіе это не только удобно, но и можетъ доставить много наслажденія. Если бы перенести Неву, Ладогу, Свирь и Онегу куда-нибудь за границу, то конечно берега украсились бы дачами, замками, деревнями и селеніями и сотни пароходовъ сновали бы взадъ и впередъ переполненные публикою, отправляющейся въ *l'excursion*. Но у насъ въ Россіи, а публика наша—русская публика и отсюда лѣнь, отсутствіе охоты къ передвиженію, сонливость, апатія, недостаточность желанія къ воспріятію новыхъ впечатлѣній, косность, отмѣченныя еще старикомъ Кошыхинымъ. Русскій человѣкъ — врагъ путешествій, онъ можетъ лишь ѣздить изъ Мордасы куда бы то ни было и обратно и притомъ всенепремѣнно съ чады и домочадцы, съ кузовками, пирогами, подушками. А между тѣмъ сколько поистинѣ дивныхъ мѣстъ, сколько интереснаго, непочатаго, дикаго и величественнаго находится подъ бокомъ хоть бы у Петербуржца; но прадѣдовскія поѣздки въ Токсово и отнюдь не далѣе Сарковъ — вотъ все, чѣмъ Петербуржецъ разнообразить свою гнилую жизнь среди вовсе не прекрас-

ной болотины. Для тѣхъ, кто не ужасается при словѣ путешествіе и ищетъ новыхъ впечатлѣній, мы могли бы рекомендовать двѣ поѣздки, которыя и удобны, и не дороги и прекрасны: пароходомъ до Петрозаводска, а оттуда въ та-рантасѣ по прекрасному природному шоссе на Кивачъ и Поръ-Порогъ—это одна, а другая изъ Петрозаводска паро-ходомъ же въ Повѣнецъ, все время причаливая къ краси-вѣйшему сѣверному берегу Онеги въ Кижѣ, Сѣнной Губѣ, Усть-Яндоу, Палеостровѣ и Шунгѣ, а изъ Повѣнца въ экипажѣ на Масельгу Корельскую и на берега Сегозера въ столицу Кореліи Паданы. И дешево, и сердито, и поучи-тельно, а ужъ поучительно до крайности, такъ какъ тутъ кстати можно увидеть, что можетъ сдѣлать изъ болотины и дикой гранитной скалы человѣкъ энергичный и трудолю-бивый, начиная съ Великаго Петра и кончая тѣмъ Фадь-кой, который теперь разрабатываетъ свои несчастныя пожни; а кстати, среди умиленія и восхищенія природою, любитель можетъ попробовать Корельскаго хлѣба изъ сосновой коры съ невѣйкою, хлѣба малахитоваго цвѣта, которымъ пита-ются рабочіе у разныхъ благодѣтельныхъ эксплуатаротовъ почвенныхъ и иныхъ богатствъ, которые являются Ши-вами для Олонцкихъ лѣсовъ и благодѣтелями въ родѣ тифа и чумы для народа, и наконецъ попробовать того рѣпнаго кваску, который безвредно пить можетъ только такое сѣкон-ное бердо, вмѣсто горла, и переваривать такой жерновъ, вмѣсто желудка, какими заботливая природа надѣлила рус-скаго мужика.

II.

Разсчитывая заѣхать въ Шлиссельбургъ на могилу скон-ческаго-лже предтечи Александра Ивановича Шилова, я отпра-вился изъ Петербурга на маленькомъ пароходѣ, устройство

котораго, грязь и мочившій насъ всю дорогу дождь весьма много отнимали прелести у «красавицы Невы». Въ каютѣ разговоры о цѣнахъ на дрова, а также и о томъ, какъ слѣдуетъ учить дураковъ въ средѣ лѣсопромышленниковъ, частое посѣщеніе буфета мужчинами и сонливость дамъ, которыя у насъ на Руси вѣчно ухитряются проспать или вѣрнѣе проковыряться носомъ въ колѣни чуть не всю дорогу, все это заставляло невольно покидать каюту и предпочесть дождь. Нева—дѣйствительно красавица; берега живописны, въ особенности, начиная съ Рыбацкой; по правому берегу проходитъ бечевникъ, на рѣкѣ значительное количество барокъ, пароходовъ, плотовъ; пассажиры-лѣсопромышленники считаютъ долгомъ всенепременно справиться у мимо идущихъ на плотахъ и баркахъ сплавщиковъ, чья барка? и услыхавъ фамилію, тотчасъ же въ поученіе остальнымъ профанамъ-пассажирамъ, прибавляютъ: «съ Свири значитъ», или «съ Сяси» и т. п. Вотъ замѣчательные по мѣстоположенію Островки, вотъ Невскіе пороги, которыхъ дамы пугаются и потому спѣшатъ уйти отъ грѣха въ каюту.

Большая часть судовъ (унжаки, тихвинки, сомины, соймы) буксируются пароходами, хотя нѣкоторая часть ихъ предпочитаетъ идти лошадьми; разъ только привелось увидать настоящихъ бурлаковъ (мологжанъ), которые на своей несокрушимой спинѣ тащатъ съ Мологи хозяйскія сомины. Замѣтно однако, что бурлачество на Невѣ отживаетъ свой вѣкъ и скоро мологская мужицкая спина не безъ пользы будетъ замѣнена болѣе быстрымъ и сильнымъ двигателемъ. На волоковыхъ лошаденкахъ сидятъ бабы или дѣвки, рѣдко мальчуганы; отцы, мужья и братья на суднѣ изворачиваются среди луды (подводные небольшіе камни). Далѣе за Шлиссельбургомъ никогда не встрѣчается мужчина на волоковой лошади—это чисто уже бабье дѣло; на Свири и на

при-онежскихъ рѣкахъ бабы преимущественно рыбачать и перевозничаютъ; на Вознесенской пристани у парохода нѣтъ ни одной лодки съ гребцомъ—все гребчихи, крѣпкія, здоровыя, ручные мускулы которыхъ поспорятъ съ мускулами нашихъ невскихъ перевозчиковъ. Отъ Шлиссельбурга по каналамъ, по Волхову и по Сяси существуетъ даже насмѣшливое названіе «сарафанная почта»; почта эта состоитъ изъ небольшой крытой лодки (телятникъ), прикрѣпленной веревками къ тощей лошаденкѣ, а на послѣдней бокомъ, опираясь ногами на оглоблю, сидитъ возница—баба. Плата бурлаку и бурлачихѣ неказиста, но и ея бы было довольно, если бы бурлакъ не представлялъ краснаго звѣря для всѣхъ прибрежныхъ жителей, а бурлачиха не имѣла бы мужа, который не умѣетъ различать ея денегъ отъ своихъ собственныхъ. Бурлаку цѣна отъ 4 р. 20 к. до 5 рублей и даже до 6 р. (водовой—тотъ кто ведетъ барку, нѣчто въ родѣ десятскаго надъ остальными бурлаками; онъ знаетъ путину какъ свои пять пальцевъ, а своего брата бурлака знаетъ еще лучше; онъ ренегатъ, а потому и хуже для бурлака, нежели самъ хозяинъ). Коштованье у бурлаковъ или, что все равно, судовщиковъ, по большей части общее, артельное; расчетъ бываетъ по доставкѣ на мѣсто, съ допущеніемъ заборовъ и даже переборовъ, которые въ особенности выгодны хозяину, и вотъ почему: есть переборъ—значитъ и на будущій годъ закабалена спина бурлацкая; русская натура такова, что рѣдко лишь отлыниваетъ отъ уплаты долга работой. Баба, дѣвка получаютъ отъ 2 р. 20 к. до 3 р. въ недѣлю, но на бѣду съ ними вмѣстѣ путину по большей части совершаютъ ихъ тятеньки, муженьки и братцы, а такъ какъ, какъ я уже сказалъ, сіи послѣдніе разности имуществъ не признаютъ, то и выходить на повѣрку, что дамы работаютъ въ пустую, а кавалеры крайне

безцеремонно разсыпаютъ дамскую трудовую копѣйку по безчисленному множеству кабаковъ, которые, какъ тенета разставлены охочими до бурлацкой выручки людьми бурлаку на погибель, а себѣ на пользу. Интереснѣе всего то обстоятельство, что количество кабаковъ прямо пропорціонально количеству затрудненій при плаваніи рѣкою; такъ напр. на Невѣ ихъ меньше—и кабаковъ меньше, на Свири ихъ больше — и кабаковъ видимо-невидимо. Сначала меня изумилъ этотъ фактъ, но какой то словоохотливый купчикъ разъяснилъ мнѣ, въ чемъ тутъ дѣло и затѣмъ, при каждомъ порогѣ я первымъ дѣломъ искалъ глазами кабака, который и находилъ не въ далекѣ, тутъ же у берега. Дѣло объясняется весьма просто: подошло судно къ порогу—надо остановиться, чтобы или приготовиться къ спуску самимъ или приговорить мѣстнаго лоцмана (это случается рѣдко, большею частью на суднѣ лоцмануетъ водовой, который не хуже мѣстныхъ жителей знаетъ всякую луду)—отсюда задержка, гулевое время, а слѣдовательно и позывъ на выпивку; судно счастливо спустилось черезъ порогъ, опасность миновала—ну какъ же тутъ удержаться отъ легонькой выпивки, когда «въ горлѣ то уже свербитъ съ давишней, которая одна то заскучала». Такимъ то образомъ спускаетъ бурлакъ или судовщикъ хозяйское судно, пообтираетъ свою спину и раскидываетъ свой заработокъ по берегамъ славной рѣки, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ скаредный мѣщанскій умишко, обладающій однако полнымъ знаніемъ его бурлацкой натуры, разставилъ сѣти на гроши его. Нерѣдко по кабакамъ бурлаки пользуются кредитомъ — это то и есть самая главная нагуба бурлацкая. Поразсчелся въ концѣ судовщикъ съ хозяиномъ и понесъ, положимъ, домой чутокъ денегенокъ, которыя достались ему за вычетомъ заборовъ, да прогуловъ,—а тутъ-тамъ уплатить надо; въ дру-

гомъ мѣстѣ опять должокъ есть; уплатилъ долгъ и радъ бы уйти отъ добраго цѣловальника, да тотъ что то ужъ не въ мѣру разщедрился—отъ себя косушку ставить; выжили—ну какъ тутъ не отвѣтить такою же! отвѣтилъ; забрусило въ головѣ — и къ уплаченному долговому четвертаку приплачивается уже чистоганомъ полтинникъ, а то и больше; а тутъ глядишь и еще горе: жена на бечевѣ избаловалась, тоже иногда выпивать стала, дѣвка, что по осень надо бы за мужъ отдавать, загуляла не то съ бурлакомъ же, не то съ прикащикомъ... Бечевникъ и путина сдѣлали свое дѣло: судовщикъ безъ денегъ, дома голодно, семья запропала! Сиѣшу въпрочемъ оговориться: иногда и бурлакъ, и жена его, и мальчикъ и дѣвка приходятъ домой неприкосновенными по части нравственности и съ выручкой, да только такихъ что то не часто видишь—видно ужъ тѣ остаются навсегда сидѣть дома, такъ какъ имъ удалось выполнить то, что почти невозможно, а именно и невинность соблюсти и пріобрѣсть капиталы. По большей же части судовщикъ и на будущій годъ идетъ въ кабалу къ хозяину изъ за лѣтошняго перебора, да зимней уплаты за него податей, и шляется онъ такимъ образомъ аккуратно нѣсколько путинъ сряду, пока не хватить его въ Питерѣ холера или тифъ, или же не сорвется онъ на Балашниковой пристави съ переходныхъ мостковъ и смертію своею не доставить обличителямъ случай обличить судохозяевъ въ скуности на постройку болѣе широкихъ сходней.

III.

Въ 15-ти верстахъ отъ Шлнссельбурга находятся Пески, которые снабжаютъ Петербургъ пескомъ; у берега чуть не постоянно въ продолженіе цѣлаго лѣта грузится отъ 30—40

барокъ (песчанки); работа кипить, слышна ругань, безъ которой русскій человѣкъ ничего не дѣлаетъ, да и сдѣлать не можетъ. На правомъ берегу на сѣренькомъ фонѣ неба выдѣляются знаменитыя «Красныя Сосны» — просто на просто оголенные 4 сосны съ плохенькимъ памятниккомъ подъ ними. Какъ ни жалко на видъ это мѣсто, однако оно играетъ не малую роль въ исторіи нашей родины и запущенность Красныхъ Сосенъ доказываетъ только, насколько неблагодарно потомство къ тому, кто выдвинулъ впередъ Россію; здѣсь Петръ Великій провелъ послѣднюю ночь передъ тѣмъ, какъ онъ совершилъ завоеваніе Ніеншанца, небольшого землянаго городка съ посадомъ въ 400 домовъ при впаденіи въ Неву рѣчки Охты. Здѣсь проведена была, такъ сказать, послѣдняя ночь старою Россіей и слѣдующій день долженъ былъ разсѣять мракъ, царившій надъ землею русскою. Если Петру не удалось окончательно изгнать мракобѣсіе — это не его вина. Поистинѣ удивительна неспособность русскаго человѣка къ чичеронствованію. Будь Красныя Сосны гдѣ-нибудь за-границею — сейчасъ явилась бы тутъ же гостиница «Belle Vue», какой-нибудь ветеранъ показывалъ бы памятникъ, окрестные жители стали бы продавать... ну хотя бы шишки съ этихъ сосенъ на память туристамъ, — а тутъ никто даже и не вѣдаетъ, про что напоминаетъ этотъ жалкенькій памятникъ. Вѣдь хотѣли же скрыть домъ, въ которомъ пребывалъ Кутузовъ, вѣдь обращенъ же чутьли не единственный памятникъ Петровыхъ дѣяній на Воронежѣ «чаусъ» (цейхгаусъ) въ мойку для шерсти кунца капиталиста!

«Говорятъ Петръ I на этомъ самомъ мѣстѣ ихнюю крѣпость взяли», пояснялъ мнѣ какой то лѣсопромышленникъ и на вопросъ мой: чью именно? отвѣчалъ безъ запинки: «татарскую». А одинъ такъ еще безцеремониѣ сочинялъ

окружавшимъ его крестьянамъ, что тутъ Петръ Великій свою собаку любимую заставилъ поповъ похоронить, — «вотъ что чучело то въ Армитажѣ поставлена». Конечно можно самодовольно ублажать себя тѣмъ, что въ русскомъ чело-вѣкѣ замѣчается полное отсутствіе чичеронскаго попрошайничества, что онъ не стрѣляетъ передъ путникомъ и не проситъ на чай за то, что далъ ему возможность слышать раскаты выстрѣла, повторенные горнымъ эхо, но полное отсутствіе знанія достопримѣчательностей края рѣшительно возмущаетъ. Во Владимірѣ мнѣ не могли указать «Золотыя ворота», въ Новгородѣ никто не знаетъ, гдѣ находится домъ Марѣы Посадницы, въ Софійскомъ соборѣ мнѣ весьма добродушно показывали на одинъ небольшой колоколъ и увѣряли, что это и есть вѣчевой; наконецъ въ Валуйкахъ, когда я пришелъ въ домъ, гдѣ останавливался Петръ, нынѣшняя его обитательница чуть не выгнала меня оттуда и все повторяла: «какой тамъ Петръ Великій! тутъ и отецъ мой жилъ, и дѣдъ — все одни Покровскіе, а Петровъ тутъ не было никогда и шлаться нечего».

IV.

Подъѣзжая къ Шлиссельбургу, передъ самымъ носомъ парохода открывается небольшая гора, на лѣвомъ берегу рѣки. На горѣ стоитъ церковь и какой то каменный домъ — это и есть почитаемая всѣми скопцами могила Шилова, по собника и вѣрнаго приспѣшника основателя секты Кондратія Селиванова — Оснода Исуса Христа Оскопателя. Нанявъ лодку, я тотчасъ же енесъ вещи въ какое то подобіе гостинницы и отправился назадъ на Преображенскую гору. Мѣсто для погребенія Шилова выбрано, по-истинѣ, крайне

удачно: внизу Нева оmyваетъ подошву горы; отъ Невы идетъ крутой подъемъ, затѣмъ на горѣ лѣсокъ и тутъ расположена церковь Преображенія съ кладбищемъ и богадѣльней. И церковь и богадѣльня выстроены однимъ значительнымъ шлиссельбургскимъ купцомъ. Долго бродилъ я среди могилъ, спрашивалъ прохожихъ и наконецъ совершенно случайно наткнулся на искомое. Шагахъ въ 300 или 400 отъ церкви, по направленію къ городу, на самой маковкѣ песчаной Преображенской горы бросается всякому въ глаза когда-то бывшій роскошнымъ памятникъ. Сдѣланъ онъ изъ гранита; на четырехъ широкихъ гранитныхъ ступеняхъ помѣщается гранитный же саркофагъ; кругомъ развалившаяся деревянная рѣшетка, развалившіяся ступени; земля подъ развалившимися ступенями провалилась, видно отверстіе, идущее въ глубь могилы — это то и есть пресловутая дыра, куда, по словамъ всѣхъ Ливановыхъ, Мельниковыхъ и К°, скопцы опускаютъ свои бублики, которыми потомъ и пріобщаются, какъ освященными. На боковой сторонѣ саркофага высѣчена надпись, гласящая такъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь! подъ симъ памятникомъ погребено тѣло раба Божія Александра Ивановича Шилова», и ниже: «Предде духъ свой въ руцѣ Божіи въ 1799 году, Января 6 дня, по полуночи въ 2 часа, житія его было 87 лѣтъ, уроженецъ Тульской губерніи, села Маслова». Судьба этого человѣка крайне интересна. Долго сидѣлъ онъ въ Шлиссельбургской крѣпости и не дождался царской милости, истекавшей изъ дѣйствительно гуманнаго и христіанскаго отношенія Императора Александра I къ расколу или изъ другихъ причинъ, еще не достаточно опредѣленныхъ; 18-го марта 1801 года вышелъ указъ объ освобожденіи шлиссельбургскихъ скопцовъ-заключенниковъ, а въ 1799 году, въ ночь съ 5 на 6 января, Шиловъ умеръ.

Какимъ то образомъ случилось такъ, что комендантъ затруднился, гдѣ похоронить умершаго арестанта и послалъ спросить объ этомъ въ Петербургъ. Шиловъ, преслѣдовавшійся при жизни, и по смерти потерпѣлъ то, чему не подвергается ни одинъ заключенникъ; цѣлыхъ 12 дней тѣло его оставалось безъ погребенія, пока не получено было наконецъ изъ Петербурга разрѣшеніе, выраженное въ предписаніи на имя генералъ-прокурора Беклешова отъ 18-го января, похоронить Шилова внѣ крѣпости. Есть преданіе, что комендантъ усомнился потому, что и самъ былъ не далекъ отъ перехода въ ученики Шилова, такъ какъ послѣдній съумѣлъ подѣйствовать на него отчасти прозорливостью, а больше всего необыкновеннымъ смиреніемъ, добродушіемъ и религіозностью. Тихо, скромно происходили похороны и тѣло предали землѣ у подошвы Преображенской горы, гдѣ и теперь еще можно видѣть углубленіе, которое осталось отъ бывшей здѣсь могилы. Прошло три года—времена перемѣнились. Императоръ Александръ, проникнутый христіанскою терпимостью, не на словахъ, а на дѣлѣ, сталъ выказывать свое человѣчное отношеніе къ дѣлу вѣры и свободы убѣжденій; скопцы вздохнули свободнѣе и стали хлопотать между прочимъ «о перенесеніи» тѣла Шилова куда-нибудь въ болѣе удобное мѣсто. Прежнюю могилу его у подошвы Преображенской горы въ половодье заливало водой и имъ удалось выхлопотать у правительства разрѣшеніе перенести гробъ Шилова на вершину горы. Перенесеніе происходило уже съ помпой; тѣло при вскрытіи гроба оказалось не испортившимся и по увѣренію скопцовъ: «батюшка лежалъ, словно только-что положенъ, только ноготокъ на ногѣ почернѣлъ». Но снова невзгода постигла скопцовъ и теперь памятникъ Шилова, сооруженный всего въ 1829 году, уже разваливается и пришелъ въ совершенный упадокъ.

Поразговорился я съ однимъ встрѣчнымъ прохожимъ, который оказался старожиломъ; поразсказалъ онъ мнѣ о «чудеснѣй могилкѣ» и о «Божьемъ человѣкѣ» много интереснаго и къ довершенію всего оказался истымъ православнымъ. «Вотъ», говорю, «дырочка то эта зачѣмъ же?» — «А это», отвѣчаетъ, «народъ продѣлалъ; много разъ зарывали и закладывали дырочку отъ начальства, да все раскапываютъ». — «Кто же?» — «Да народъ-отъ здѣшній!» — «Зачѣмъ?» спрашиваю. — «Ощущаютъ туда хлѣбъ и иную пищу какую-отъ болѣзней помогаетъ; угодилъ Осподу Богу этотъ блаженный!» — Вотъ вамъ отношеніе русскаго человѣка къ дѣлу: апатія ли это только или дѣйствительное добродушіе? — пусть разбираетъ, кто хочетъ. Слова этого старика напомнили мнѣ казусъ, который мнѣ привелось видѣть въ Тамбовской губерніи: по одной изъ большихъ дорогъ губерніи часто проходятъ обозы съ извозчиками изъ татаръ; разъ какъ то я былъ очень удивленъ, увидавши, какъ хозяинъ постоялаго двора сталъ на вечерней зарѣ совершать по всей формѣ омовеніе. «Это что?» спрашиваю. — «И чистота, и лѣпота», отвѣчаетъ, «да и для души, говорятъ, полезно». Ну, а это что же такое? тупоуміе, беззьянство или же неопредѣленное исканіе чего то, въ чемъ не даютъ себѣ отчета? Скорѣе послѣднее, но ужъ никакъ не первое. А то, такъ одна старушка въ Тамбовской же губерніи выискалась, которая прошла въ Іерусалимъ сухимъ путемъ и пресеріозно увѣряла, что такое путешествіе гораздо дешевле стоитъ, и притомъ несравненно удобнѣе. «Да какъ же ты, мать, шла?» — «А черезъ Капказъ, по турецкой земли вплоть до Бирутьева; монахъ одинъ ихній со мною встрѣлся, очинно святой человѣкъ, такъ даже весь пляшетъ, когда Богу-то молиться учнетъ (дервишъ); всеѣ дорогу со мною шелъ, матушка называлъ — онъ же мнѣ на

прощаньи передъ Бирутьевымъ и образочекъ Егорія Побѣдоносца подарилъ—вонъ у иконъ-то постановленъ». — «А турки то?» говорю. — «Да что же турки? они народъ добрый: и кормили, и поили, и пары давали». Гляжу — пресловутый образочекъ Георгія Побѣдоносца, какъ называла дервишевъ подарокъ старуха, — а это персидскаго издѣлія жетончикъ съ изображеніемъ боя Рустема съ дракономъ. Впрочемъ, что же! съѣздила же вѣдь одна калужская баба на телѣгѣ въ Баръ поклониться по обѣту Николѣ и осталась крайне довольна и Италіей и приѣмомъ итальянцевъ.

V.

На обратномъ пути къ пароходной пристани я разговаривалъ съ лодочникомъ, какъ оказалось рыбакомъ: жалобы, жалобы и жалобы. Рыбки стало не въ примѣръ меньше; только сига попадаютъ, а стерлядки такъ рѣдко, что и на поди! Палья тоже нынче въ глубь ушла, въ озеро, а по Невѣ рѣдко попадаетъ; лососю, что Христовой заутренѣ радуешься. Цѣны на рыбу стоятъ высокія, да улову мало. Кто прежде на три невода бралъ, нынче и съ однимъ маится. Кабы рыбка не ушла, жить бы по цѣнамъ можно, стерлядь отъ 75 к. и до 1 р. доходить за фунтъ при 10-ти фунтовомъ вѣсѣ рыбыны; сижки до 1 р. на мѣстѣ продаются фунтовъ 4—5; на лосоську спросъ великъ, да руки коротки. Хуже жить стало; пароходовъ развелось много — отбили работу у прибрежныхъ жителей, жившихъ бурлачествомъ, всю рыбу угнали изъ этихъ мѣстъ. — «Ну, а сачите рыбу?» спрашиваю, и мнѣ съ усмѣшкой отвѣчаютъ: какъ не сачить, сачимъ». Сами понимаютъ къ чему клонить мой вопросъ, сами надъ собой же посмѣиваются, а отъ